

Мещеряков Александр Юрьевич, студент
Исторический факультет
Астраханский государственный университет
daomesheryakov@gmail.com

**ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ГИБРИДНОСТИ В ПРОЦЕССЕ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТУРНОГО
ОБМЕНА МЕЖДУ КИТАЕМ И ЯПОНИЕЙ)¹**

УДК 008.001

Аннотация. Статья посвящена вопросу возникновения культурной гибридности в Японии в результате активного культурного влияния Китая на культуру японцев. Возникнув в глубокой древности, японское общество формировалось в межкультурном диалоге с соседними народами. В результате подобных контактов и инкорпорирования различных культур возникла гибридность в японской культуре. Автор акцентирует внимание на присвоении китайской культуры Японией, рассматривает заимствование через поведенческие нормы Другого/Чужого: его алиментарная культура, сексуальные предпочтения, вестиментарная культура и т.д. Явление культурной гибридности рассматривается в процессе культурного обмена между Японией и Китаем. Культурная гибридность – это иная транскультурная форма, которая возникает вследствие кросс-культурного взаимодействия, межкультурного диалога, слияния рас и этносов, результатом чего становится изменение отношения к иному этносу, его переход из категории Чужой в категорию Другой.

Ключевые слова и фразы: культурная гибридность, межкультурная коммуникация, культурный обмен, присвоение культуры, Другой, Чужой, Китай, Япония.

**FORMATION OF CULTURAL HYBRIDITY THE PROCESS CULTURAL
ENCOUNTERS (THE CASE OF CULTURAL EXCHANGE CHINA AND JAPAN)**

Alexander Meshcheryakov, student
Faculty of History
Astrakhan State University
daomesheryakov@gmail.com

Abstract. Article is devoted to the emergence of cultural hybridity in Japan, consequently of the active cultural influence of China on the Japanese culture. Arise of such contacts and the incorporation of cultures, a special hybrid space arose in Japan. Author focuses on the appropriation of Chinese culture to Japan, considers borrowing through the behavioral norms of the Other/Alien: alimentarius culture, sexual preferences, vestimental culture, etc. The phenomenon of cultural hybridity is considered in the process of cultural exchange between Japan and China. Cultural hybridity is a different transcultural form that arises because of cross-cultural interaction, intercultural dialogue, the merging of races and ethnic groups, resulting in a change in attitude to another ethnic group, its transition from Alien to Other category.

Key words and phrases: cultural hybridity, cultural encounters, cultural exchange, appropriation cultural, Other, Alien, China, Japan.

---

¹ Статья выполнена при поддержке РФФИ 17-33-01069 «Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации».

История Китая и Японии – это постоянное изменение границ между «Свой – Чужой». На протяжении всей истории Японии существовали периоды, когда происходило заимствование культуры Другого/Чужого. На протяжении многих веков Китай активно оказывал влияние на формирование и изменение культуры японцев. Данный процесс присвоения и имитации значительно менял культуру японского этноса в результате межкультурной коммуникации (Cultural Encounters) с китайцами. В качестве культурной роли китайская цивилизация занимает центральное место в интеллектуальном мире Японии. Американский философ Нельсон Гудмен в своей работе указывал: «Миры сделаны на протяжении веков. Сделаны из чего? Конечно, не из ничего, в конце концов, из других миров. Создание мира, как мы знаем, всегда начинается с мира уже созданного; создание является переделкой» [20, с. 6].

На протяжении всей истории образы о «Другом – Чужом» этносе претерпевают изменения. Межкультурная коммуникация китайцев с японцами формировалась и коренным образом менялась на протяжении всей истории китайской культуры, рассматривалась и осуществлялась в рамках позиции «Свой (Китай) – Другой/Чужой (Япония)». В японском варианте образ Другого/Чужого можно наблюдать как общие моменты, свойственные практически всем народам, так и специфичные подходы в конструировании телесности чужих народов, проживающих по ту сторону границы.

Важными маркерами построения образа Другого/Чужого в межэтнических отношениях у различных народов является алиментарная, вестиментарная культуры и сексуальные традиции представителей иных этнических общностей [14, с. 189-195]. Однако в случае с историей и культурой Японии было бы неправильно ограничиться анализом имитации и присвоения культуры китайского этноса лишь с позиции концепта Чужого и методов межкультурной коммуникации. Помимо этого, была использована концепция культурной гибридности для рассмотрения китайской и японской культуры, начиная с периода древней Японии и заканчивая периодом Мейдзи. Понятие культурной гибридности было введено в научный оборот в 90-е гг. XX в. теоретиками культуры, сторонниками постколониальной теории (Хомми Бхабха [16], Робертом Янгом [26], Питером Бёрком [17] и др.), которые пытались осмыслить понятие культурной гибридности и происходящие культурные процессы в Новое и Новейшее время в разных местах мира. Культурная гибридность – это иная транскультурная форма, которая возникает вследствие кросс-культурного взаимодействия, межкультурного диалога, слияния рас и этносов, результатом чего становится изменение отношения к иному этносу, его переход из категории Чужой в категорию Другой [9, с. 57-60]. Понятие «культурный обмен» получило широкое применение только недавно, хотя оно уже использовалось в работе немецкого историка искусства Аби Варбурга в начале XX в. [17, с. 42].

Также отметим, что присвоение культуры Другого/Чужого и формирование культурной гибридности следует рассматривать гораздо шире и затрагивать больше культурных маркеров. В разные исторические периоды, в рамках любого общества, образовавшиеся различия Свой/Другой могут проходить в самых разных аспектах повседневности. К основным столпам анализа образа Другого/Чужого относятся: еда, внешность и секс. В данной работе были добавлены язык и религия. Мы также попытаемся показать изменение границы между «Свой – Чужой» в межэтнических отношениях между китайцами и японцами.

Анализируя культурный диалог Китая и Японии, следует принимать во внимание, что, как и во многих других странах, в Японии не было одного направления межкультурного диалога. В истории Японии сформировалось множество его видов и направлений, где японская культура сталкивалась совершенно с другими культурами. Хронология межэтнических отношений Японии требует серьезного обсуждения и уточнения. Так, в рамках данной статьи, возьмем в качестве отправной точки дату первых встреч японцев и китайцев, которая датируется по китайским источникам в 57 г. н.э. [15, с. 25]. Возможно, это одна из первых миссий японцев в Китай. При первых встречах китайцы идентифицировали японцев, как «люди страны Ва». На протяжении следующих пяти столетий число последующих визитов в обоих направлениях увеличивается. Руководители кланов Ямато контролировали дипломатические миссии в Китай, где вступали в активную межкультурную коммуникацию с китай-

цами, обменивались товарами и заимствовали новые технологии ханьцев [5, с. 30]. В этот период Другой/Чужой свидетельствует о некой зрелости японского общества.

В межкультурном диалоге того времени между китайцами и японцами «культуртрегерами» для Японии служили японские торговцы, священники и солдаты. В VII в. японских посланников отправляли в Китай. Часто оставаясь там на несколько лет, даже десятилетия, они изучали китайское общество и переносили китайские идеи обратно в Японию [15, с. 29].

С середины VII в. древнеяпонское государство Ямато вмешивалось в политические междоусобицы на Корейском полуострове. С этого периода данная территория входит окончательно в границы китайского влияния. Предводители Ямато, опираясь на ценности общества, стремились преодолеть свою культурную, военную, политическую отсталость. Вследствие этого они приступают к целенаправленному заимствованию технологий из Китая [4, с. 7]. Данная тенденция особенно прослеживается с начала периода правления династии Тан в 618 г. Заимствовались письменность, государственное устройство, теория и практика управления и мн. др. [15, с. 28]. Китайская культура династии Тан (618 – 907 гг.) заимствовала и имитировала разнообразие культур Востока, придавая им космополитичную и в то же время экзотическую природу. Одной из характерных черт китайского искусства служила тенденция к сильной декоративности, что соответственно японскому эстетическому восприятию являлось чрезмерно «украшательским», искусственным и обладающим нехваткой внутреннего изящества и утонченности [23, с. 22].

В истории Японии мы видим, что чем ниже уровень развитости культуры, тем выше стимул заимствования культуры Другого/Чужого. Встреча японцев с китайцами лицом-к-лицу проходила не в субъектном монологе, а в конструктивном диалоге, в котором каждый стремится понять Другого. Вторжение кочевых племен с севера, вероятно, стимулировало китайцев формировать новые культурные контакты с побежденными режимами и территориями, искать убежища в Корее и Японии. Согласимся, что в первые годы периода Ямато, а также в ранние и более поздние времена Япония находилась в китайских культурных границах. Но культурный диалог с Поднебесной проходил через царство Кореи [19, с. 111]. Около III в. до н.э. в Японию стали проникать протокорейцы – носители, по тем меркам времени, гораздо более высокоразвитой культуры. В результате культурного контакта японцы освоили технологию рисосеяния и производства металла. Смешивание с коренным населением привело к созданию японской культуры [5, с. 30]. Питер Берк отмечает, что подчиненная культура присваивает черты доминирующей культуры [17, с. 41-42].

С VI в. начинает распространяться буддизм, а с начала VII в. – китайская письменность (на деревянных табличках – *моккан*). К концу периода численность населения составляет примерно 5 млн. человек. В период Нара (710–794 гг.) – сменяется название страны с «Ямато» на «Япония» («*Нихон*»). В середине VII в. Япония начинает широкомасштабные реформы, целью которых было создание современного по китайским меркам государства. Двор Ямато указывал, что Китай имеет дело с обновленной страной, жизнь в которой устроена на обновленный цивилизованный и законный манер. Япония пыталась показать Китаю, что она ни в чем не уступает ему [4, с. 25].

По мере усиления своих внутренних и внешних культурных и политических позиций японский императорский двор активно выступал на путь захвата новых территорий. Земля была одним из источников богатств, так как изобиловала ресурсами. Акцент делался на покорение аборигенов, о которых упоминается в японских источниках VIII в. Аборигенов обозначали иероглифами, несущими смысл «волосатые люди», «варвары», «неяпонцы», читаемые как *эмиси*, *эбису*, позднее как *эдзо* (蝦夷). Первоначально это слово означало земли и население всего севера Японии [1, с. 55]. Эти процессы и условия позволяют отнести приграничные территории Японии к фронтальным. Фронталь – это специфичная территория, которая зачастую называется «подвижной границей» [10, с. 41]. Изобилие ресурсов делает фронталь притягательным для разных этнических групп, стремящихся освоить эту территорию [12, с. 4-15].

В период Хэйан (794 – 1185 гг.) ослабевает централизованная власть Японии. На государственном уровне прекращаются контакты с Китаем [4, с. 8]. Вероятно, из-за падения династии Тан японские правители боялись, что социальный переворот распространится на Японию. Происходит «японизация», т.е. имитация культурных заимствований из Китая. К концу X в. контакты были восстановлены в торговле, а также в области религии и искусства, но официальных правительственных связей не образовывалось. Отсутствие политических контактов с Китаем наблюдается в течение около 400 лет. В этот период японское правительство переработало некоторые ранние китайские идеи и разработало институты, которые имели ярко выраженный японский культурный концепт [15, с. 41].

В более позднее Средневековье (1392 – 1573 гг.) окраинные государства, в том числе и Япония, были связаны с реальными узами верности «Центральной стране» – Китаю (*Чжунго* (中國) – кит. «Срединное государство»). В основе этой системы лежала теория, разработанная конфуцианами. Согласно данной теории Китай является универсальной империей, чей суверенитет должен был быть признан «варварскими» правителями в случае, если они желают преимущества в торговле с Поднебесной [22, с. 235]. Японцам было разрешено въезжать в Китай через порт Нинбо, провинцию Чжэцзян. Оттуда значительная часть японских посольств – иногда более трехсот человек – продолжали путь в столицу Мин, которой в 1421 г. стал Пекин. Там они преподнесли дань, в соответствии с предписанным перечнем товаров, который включал серу и такие продукты японского ремесленничества, как мечи, доспехи, золоченые веера и цветные ширмы [22, с. 236].

В отличие от ханьцев, которые делили варваров по четырем сторонам света, основываясь на принцип *У-син* [13, с. 233-240], японцы характеризовали варваров как людей, у которых отсутствует церемониальность. Без церемониальности человек, по мнению японцев, не формируется. Если человек не формируется, он равен зверю. Все действия человека подчиняются церемониальности [4, с. 285]. Церемониальность подчеркивала статус Своего и статус Другого/Чужого, она считается основой мира и гармонии, выступает как средство распознавания «Своего» и «Чужого». В записке «Сёку нихонги» (704 г.) говорится, что китайские чиновники в разговоре с японским посланником Авата-но Асоми так отзывались о Японии: «Нам часто доводилось слышать, что за Восточным морем лежит великая стена Ямато... люди там богатые и веселые, там хорошо соблюдается церемониальность» [8, с. 34-35]. В данном случае японцы соответствовали тем представлениям о культурности, которые были характерны для Китая. Японцы заимствовали церемониальность у Китая (VII в.), тем самым можно утверждать, что восприятие японцами Чужого это заимствованные стереотипы у Другого/Чужого.

В представлениях японцев помимо церемониальности, человека от варвара (животного) отличает одежда. Вестиментарная культура является важным маркером, в соответствии с которым представители разных этносов и социальных групп отличают себя от Другого/Чужого. Другой – это тот, кто обладает иным телом, не похожим на наше, его тело чуждо [11, с. 111-116]. К примеру, длинное кимоно *утикаке* или *кайдори* вошло в употребление в период Муромати, а костюм-двойку *камисимо* самураи начали носить в период Адзуты–Момояма, когда в японскую вестиментарную культуру стало приходить китайское влияние [18, с. 451].

Важным аспектом заимствования культуры Другого/Чужого служила религия. Японские императоры в период падения династии Хань понимали, что буддизм занимает центральное положение в китайских концепциях суверенитета. Принятие этой религии, вместе с другой китайской культурой для увеличения мощности государства, облегчило усилия власти по ужесточению контроля над дополнительной территорией и большим количеством людей [19, с. 360]. Будда – центральный аспект культурной жизни во всей Азии в эти ранние времена. На третьем буддийском храме Японии (392 г.) были выбиты следующие слова: «Верьте в буддизме, мы ищем процветания» [29, с. 361].

Распространение и укоренение буддизма в Японии сопровождалось вовлечением идеи сочетания Ками и Будды, существующих как единое тело. Ками проявляется как сущность Будды. Здесь мы можем увидеть культурную гибридность в плане заимствования религии

Японией. Это был век усвоения буддийской культуры – культуры Чужого, действовавшей через изучение китайских переводов сутр и корейской скульптурной техники, которая также заимствована из Древнего Китая [23, с. 15]. Буддизм придал Японии значительную силу – это обеспечило культурную коммуникацию Японии с развитыми народами азиатского континента. Постепенно увеличивалась роль Японии в Азии [23, с. 114]. С V в. Японией при-сваиваются китайские идеи образования [19, с. 348].

Говоря о религии, нужно упомянуть методы воздействия на стихии неба и земли и способы диалога с божеством. Эти методы и способы переносятся на третью сферу вселенной из триады «небо – земля – люди», заимствованной из Китая вместе с понятием *тэнно* – «Небесный властитель», «император» [6, с. 71].

Культурная коммуникация с Китаем повлияла и на языковое сознание в японском обществе. Японский язык (*котоба*) не существовал в изоляции и господствовал в Японии на протяжении почти 2 тыс. лет. Современное его название *кокуго* («язык страны») и *нихонго* («японский язык»). Именно благодаря заимствованиям из Китая возникают первые письменные памятники. У японцев не было письменности до знакомства с китайцами. К VIII в. завершается освоение китайской письменности. Освоение китайской письменности и лексики – это часть общего культурного влияния Китая на Японию. Решающим фактором данного культурного процесса было не давление извне, а желание самих японцев заимствовать культуру Другого/Чужого [4, с. 69-74]. Здесь мы можем наблюдать лингвистическую гибридизацию. Влияние материковой культуры и буддизма изменило в корне алиментарную культуру японцев. Если до этого пища была достаточно примитивной (зерновая каша из смеси проса, ячменя и иногда риса, соленые овощи, рыба, дичь), то с развитием алиментарного культурного диалога с Древним Китаем она становится более разнообразной и даже изысканной [4, с. 328-329].

Буддизм повлиял на отказ от мяса в японской алиментарности, способствовал более широкому приготовлению овощей. Именно китайскими монахами-дзен была завезена форма приготовления пищи *сёдзин рёри* («кухня усердия»). Это разновидность вегетарианской кухни использует свежие сезонные овощи, морские водоросли, соевый творог *тофу* и другие свежие и простые продукты. Такая разновидность буддийской кухни отражает буддийское нежелание убивать любые живые существа [18, с. 448]. В 645 г. государь Тэмму (673 – 686 гг.) издал указ, запрещающий поедание мяса лошадей, коров, собак, обезьян и кур [4, с. 328]. Первые упоминания о лапше (*сакубэй*), приготовленной из пшеничной муки, относятся к VIII в. На японские острова лапша была завезена из Китая. Заимствование палочек для еды (*хаси*) и столиков (*осики* – без ножек, *дзен* – с ножками) повлияло на сортировку пищи в VIII – IX вв. Но использовались палочки только высшим обществом, остальные ели руками, однако принцип коллективной сервировки практиковался и в крестьянской среде. В сложившихся условиях главное внимание уделялось правилам, а не еде как таковой. Исследователь японской кухни Эрик Рат указывает, что для участников средневековых японских пиров были важны не блюда, а их сочетания, их названия, техника приготовления, состав ингредиентов [24, с. 18].

Особое внимание следует уделить чайной церемонии, да и самому чаю, который также был заимствован японцами у китайцев во второй половине XII в. Семена чая привез из китайского путешествия дзенский монах Эйсай, который уделял важное место здоровому образу жизни японцев. «Посмотрите на китайцев», – говорил Эйсай, – «Они пьют горький-прегорький чай и оттого с сердцем у них все в порядке». На распространение чая повлиял любитель спиртного сёгун Минамото Санэтомо, которому резко полегчало в тяжелое похмельное утро после употребления чая. Вино и чай считались у японцев напитками священными, так как с их помощью можно было общаться с богами, облекая свои мысли и чувства в божественные слова. Поэтому чай подносили статуям будд, а возле храмов концентрировались чайные лавки. Бодрящее свойство чайного напитка нашло отражение в легенде о происхождении чая. Она гласит, что основатель школы дзэн Дарума (Бодхидхарма) во время сеанса медитации заснул. Открыв глаза, он пришел в такую ярость, что вырвал свои ресницы и

швырнул их за спину. И вот, попав в землю, ресницы выросли в самые настоящие чайные кусты. Между прочим, на профессиональном жаргоне чаделов чайники до сих пор называют «ресницами» [5, с. 246-254]. Напиток сакэ также был завезен в Японию из Древнего Китая в V – IV вв. до н.э.

Покорение новых земель приводит не только к обмену алиментарной культурой, богатствами, верованиями, но и сексуальной культурой. На протяжении истории Восток влечет западного человека как пространство эротической свободы и вседозволенности. Восток охватил многого различных культур сексуального поведения, не представлял собой единой территории с общей цивилизацией. Соприкосновение Китая с Японией означало взаимодействие двух схожих систем сексуальных обычаев и ценностей, так как в восточных государствах зародилась и устоялась идея гарема – обладание множеством сексуальных партнерш [2, с. 22-23].

Одновременно с сутрами и трудами китайских мыслителей в Японию проникли и труды по искусству любви, так как у китайцев к этому периоду уже была развитая культура секса. Вероятно, практические наставления по занятиям любовью превратились со временем в классические японские «*сидзю хаттэ*» – «48 поз», привнеся с собой в островной быт элементы технического оснащения культуры любви. Например, одно из самых популярных китайских достижений в этой области – искусственный фаллос (хиригата) [3, с. 31-33].

Буддизм привнес в Японию относительно немногочисленные сексуальные традиции Другого/Чужого, которые отклонялись от общепринятой нормы церемониальности японского общества. Также буддизм привнес строгость нравов, зрелую китайскую литературу, иное восприятие окружающего мира в отношении секса [3, с. 64]. Средневековые японцы в описании интимных контактов, чтобы миновать оскорбления нравственности, прибегали к китайскому способу шифрования сексуальных техник иными поэтическими терминами [3, с. 98].

Согласно идеям и убеждениям восточных государств, мужчине естественно и даже полезно наслаждаться ласками сразу многих женщин. Как следствие, сложился особый «класс» женщин для удовлетворения желаний [2, с. 224]. Ссылаясь на сходство между китайскими проститутками и *asobi*, Токигава Масахиро утверждал в середине 1960-х гг., что традиция *asobi* возникла среди женщин подчиненного статуса в Китае и была передана Японии через Корею иммигрантами [21, с. 12].

Важным конструктом понимания Чужого является неотъемлемая часть телесной культуры – медицина. Для постижения китайской вестиментарности одним из главных китайских текстов служит «Трактат Желтого Императора о внутреннем». Японские врачи руководствовались китайскими представлениями о теле и пользовались лекарственными препаратами, рецептуру которые заимствовали из Китая. Согласно традиционным восточным воззрениям, появившимся в Китае, тело японца представляло собой организм, изоморфный общему устройству мира. В связи с этим человеческий организм представлялся частным случаем проявления более универсальных, «космических» и социальных закономерностей [7, с. 68].

В период Мэйдзи Китай продолжал сохранять свою культуру, но при этом стал инкорпорировать в свою культуру практические знания западной цивилизации. В результате политически Китай был объявлен «противником» восточной цивилизации и врагом Японии в Восточной Азии.

Губительные кампании Тоётоми Хидэёси против Кореи в 1590-е гг. ознаменовали исторический конфликт в отношениях Японии с Китаем. Военные кампании расстроили весь баланс сил в Северо-Восточной Азии, и в конечном итоге способствовали падению династии Мин (1368 – 1644 гг.) и возникновению династии Цин (1644 – 1912 гг.) [23, с. 8].

Если политическое присутствие Китая ослабевало в Японии, то его культурное влияние было все более очевидным и вездесущим. Все области человеческой культуры Японии (этика, право, идеология, религия, литература, искусство и т.д.) в период Эдо-дзидай ощущались как долг перед китайской моделью культуры. Китайская классика и поэзия лежали в основе образования самураев, элиты, богатых, сознательных городских классов Японии. Это не только «старая» китайская культура, но и недавние китайские тенденции развития культуры,

привезенные в Японию ссыльными и мигрантами из Китая. Культурное влияние Китая было очень сильное, его культурная гегемония неоспорима. Японские конфуцианцы искали пути искоренить культурную гегемонию Китая. Некоторые считали Японию центром цивилизации, поскольку она сохраняет оригинальные конфуцианские обряды и институты, где главные добродетели более истинны, нежели в Китае, так как его «золотое время» пошло на резкий спад. Это подтверждалось тем, что в данный период Китай страдал под «варварской» властью маньчжуров. Именно в этот период граница между «Свой – Чужой» изменилась. Японские конфуцианцы (и японская элита в целом) показали сильный дух соперничества по отношению к Китаю и стремление улучшить все прежние культурные модели по своим собственным стандартам цивилизации.

Британский историк Джонатан Спенс описывает успех Китайского государства как «расцвет китайской культуры», несмотря на недавнее введение чуждого правила (маньчжуров). Можно сказать, что Китай того времени оставался вершителем в вопросах цивилизации Азии [25, с. 58-60].

В период Мейдзи с 1868 г. началась активная культурная коммуникация Японии с западными державами. Это привело к изменению парадигмы в японской мысли, культуре и межкультурной коммуникации. Этот сдвиг парадигмы дестабилизировал китайско-японские отношения. Как только Япония перешла к более конкурентоспособным западным государствам, сосуществование с Китаем стало несостоятельным, и Япония начала активно разрушать политическое взаимодействие с Китаем посредством агрессивных вызовов Китаю. Конфликт между Китаем и Японией (1871-1894 гг.) проходил на разломе двух культур, образованном в истории через пересечение Сегуната Токугава и китайского международного порядка. В этот период образы Китая, культурный и политический, исключительно отличались. Культурный образ оставался в целом положительным. Политический формировался в виде вражды или желания дистанцироваться от Китая. Вражда была значительно усилена от предполагаемого взгляда западных держав на китайско-японские отношения. Повлияла также реакция на китаецентризм. Япония по отношению к Китаю позиционирует себя более развитой. Китаю уже следует считаться с сильной державой. Граница между «Свой – Чужой» претерпевает изменения, которые в последующей истории отразятся не только на восприятии японцами Другого/Чужого, но и на всей международной обстановке [23, с. 10-22].

Итак, на основании изучения культурного обмена между Китаем и Японией, можно говорить, что культурное пространство Японии сформировалось как гибридное за счет влияния китайской культуры на культуру японского этноса. Согласно вышесказанному, культурная гибридность – это результат имитации и присвоения различных объектов культуры (артефактов, технологий, текстов, языка, методов, практик, религий и др.) отдельной цивилизацией или культурой. Гибридность японской культуры уже само по себе обусловленное явление, сочетающее в себе множество китайских заимствований (топосов, культур, политических и экономических укладов). Культурная гибридность становится неотъемлемым признаком такого культурного пространства, как Япония – государство, расположенное на месте пересечения различных культур или цивилизаций, где образуются промежуточные зоны, где возникают не только новые культурные образования, но и присутствуют старые, активно присваиваются новые. Вместе с тем изучение образа Другого/Чужого в Китае и Японии дает возможность понять сущность межкультурной коммуникации китайцев с другими народами и проанализировать процесс культурной гибридизации в японской культуре.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Арутюнов С.А., Щербеньков В. Г. Древний народ Японии. Судьбы племени айнов. – М.: Восточная литература, 1992. – 208 с.
2. Бернстайн Р. Восток, Запад и секс. История опасных связей. – М.: АСТ: CORPUS, 2009. – 448 с.
3. Куланов А. Е. Обнаженная Япония. – М.: Ломоносовъ, 2013. – 288 с.

4. Мещеряков А.Н. История японской культуры. – М.: Наталис, 2011. – 368 с.
5. Мещеряков А.Н. Книга японских символов. – М.: Наталис, 2003. – 556 с.
6. Мещеряков А.Н. Политическая культура древней Японии. – М.: РГГУ, 2006. – 367 с.
7. Мещеряков А.Н. Статья японцем. Топография тела и его приключения. – М.: Наталис, 2014. – 432 с.
8. Мещеряков А.Н. Хроника «Сёку нихонги». Свиток 1. – М.: РГГУ, 2006. – 155 с.
9. Мещеряков А.Ю., Якушенкова О.С. Культурная гибридность в условиях урбанистического ландшафта // Культурная жизнь Юга России. – 2017. – №4(67). – С. 57-60.
10. Тернер Ф. Фронтир в американской истории. – М.: Весь Мир, 2009. – 304 с.
11. Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. Чужое тело сквозь призму встречи цивилизаций, или Личико Гюльчатаяй... // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – №4. – С. 111 – 116.
12. Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. Изобилие ресурсов как одна из черт фронтальных территорий // Человек. Сообщество. Управление. – 2013. – №2. – С. 4-15.
13. Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. Тело варвара: Конструирование образа Чужого на китайском фронтире // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – №4(33). – С. 233-240.
14. Якушенков С.Н., Романова А.П., Якушенкова О.С. «Гляжусь в тебя, как в зеркало, до головокружения», или Протообразы тела Чужого в российском дискурсе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – №1(1). – С.189-195.
15. Andressen C., Osborne M. A short history of Japan from Samurai to Sony. – Australia: Allen & Unwin, 2002. – 262 p.
16. Bhabha H. The location of Culture. – London, New York: Routledge, 1994. – 408 p.
17. Burke P. Cultural Hybridity. – Cambridge: Polity Press, 2009. – 130 p.
18. Deal W. E. Handbook to Life in Medieval and Early Modern Japan. – Oxford, New York: Oxford University Press, 2007. – 415 p.
19. Delmer M. Brown, Edward Kidder, Jr., Matsumae T. The Cambridge History of Japan, Vol.1: Ancient Japan: Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, Sao Paulo: Cambridge University Press, 2006. – 650 p.
20. Goodman Nelson. Ways of worldmaking. – USA: Hackett Publishing Company, 1988. – 148 p.
21. Janet R. Goodwin Selling songs and smiles: the sex trade in Heian and Kamakura Japan. – USA: University of Hawai'i Press, 2007. – 224 p.
22. Hall W.J., McClain J.L., Elisonas J. The Cambridge History of Japan, Vol.4: Early Modern Japan. – Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, Sao Paulo: Cambridge University Press, 2006. – 610 p.
23. Matthias Z. China and Japan in the late Meiji period. China policy and the Japanese discourse on national identity, 1852-1904. – London, New York: Routledge is an imprint of the Taylor & Francis Group, an informa business, 2009. – 251 p.
24. Rath E. Food and Fantasy in Early Modern Japan. – USA: University of California Press, 2010. – 258 p.
25. Spence J.D. The Search for Modern China. – New York, London: W.W. Norton, 1991. – 401 p.
26. Yang R. Colonial Desire: Hybridity in Theory, Culture and Race. – London, New York: Routledge, 1995. – 230 p.

